ПРОЦЕСС АНТИСОВЕТСКОГО ТРОЦКИСТСКОГО ЦЕНТРА

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ПЯТАКОВА

Утреннее заседание 23 января

Вышинский: Скажите, когда начался последний период вашей подпольной троцкистской деятельности?

Пятаков: С 1931 г.—это последний период, не считая 1926—1927 гг.

Вышинский: В чем выражалась эта деятельность?

Пятаков: В 1931 г. я был в служебной командировке в Берлине. Одновременно со мной было несколько троцкистов, в том числе Смирнов и Логинов. Меня также сопровождал Москалев. Был и Шестов.

В середине лета 1931 г. в Берлине Смирнов Иван Никитич сообщил мне о том, что сейчас возобновляется с новой силой троцкистская борьба против советского правительства и партийного руководства, что он—Смирнов—имел свидание в Берлине с сыном Троцкого—Седовым, который дал ему по поручению Троцкого новые установки, выражавшиеся в том, что от массовых методов борьбы надо отказаться, что основной метод борьбы, который надо применить, это метод террора и, как он тогда выразился, метод противодействия мероприятиям советской власти.

Вышинский: О каком Смирнове вы говорите?

Пятаков: Известный троцкист Иван Никитич Смирнов.

Вышинский: Тот самый, который судился?

Пятаков: Да, тот самый, который впоследствии вошел в об'единенный зиновьевско-троцкистский центр. В одну из таких встреч, когда у меня никого не было в кабинете, он стал мне рассказывать о возобновлении троцкистской борьбы и о новых установках Троцкого. Тогда же Смирнов сказал, что одной из причин поражения троцкистской оппозиции 1926—27 гг. было то, что мы замкнулись в одной стране, что мы не искали поддержки извне. Тут же он передал мне, что со мной очень хочет увидеться Седов.

Я согласился на эту встречу. При встрече он мне сказал, что говорит со мной не от своего имени, а от имени своего отца —Л. Д. Троцкого. Седов сказал, что Троцкий ни на минуту не оставляет мысли о возобновлении борьбы против Сталинского руководства, что было временное затишье, которое об'яснялось отчасти и географическими передвижениями самого Троцкого, но что эта борьба сейчас возобновляется, о чем он, Троцкий, ставит меня в известность.

Седов сказал также, что ему известно, что и правые в лице Томского, Бухарина и Рыкова оружия не сложили, только временно притихли, что и с ними надо установить необходимую связь.

После этого Седов мне задал прямо вопрос: «Троцкий спрашивает, намерены ли вы, Пятаков, включиться в эту борьбу?». Я дал согласие.

После этого Седов перешел к изложению сущности новых методов борьбы: о развертывании в какой бы то ни было форме массовой борьбы, об организации массового движения не может быть и речи; если мы найдем на какую-нибудь массовую работу, то это значит немедленно провалиться; Троцкий твердо стал на позицию политического свержения Сталинского руководства методами террора и вредительства. Дальше Седов сказал, что Троцкий обращает внимание на то, что борьба в рамках одного государства—бессмысленна, что отмахиваться от международного вопроса нам никак нельзя. Нам придется в этой борьбе иметь необходимое решение также и международного вопроса или, вернее, международных вопросов.

Вышинский: Об этой встрече вы рассказывали кому-нибудь из своих сообщников?

Пятаков: Да, я говорил. Я рассказывал Владимиру Логинову, который был управляющим треста «Кокс»; рассказал Битнеру, который работал в Берлине; рассказал Шестову, который был в той же комиссии по размещению заказов для угольной промышленности; рассказал моему секретарю, который являлся не только секретарем, но и доверенным мне человеком.—Москалеву.

Вышинский: Обвиняемый Шестов, вы слышали показания Пятакова?

Шестов: Да.

Вышинский: Перебивая вам в своей беседе с Седовым, Пятаков солидаризировался с Седовым или же он излагал эту беседу фотографически?

Шестов: Безусловно солидаризировался.

Вышинский (снова обращается к Пятакову): Когда вы рассказывали Шестову о своей беседе с Седовым, вы приписали ей характер простой передачи или при этом высказывали и свое отношение?

Пятаков: И с Шестовым, и с Владимиром Логиновым речь шла об осуществлении этой директивы.

Вышинский: Чем об'яснить, что вы так быстро дали согласие возобновить борьбу против партии и советского правительства?

Пятаков: У меня оставались старые троцкистские пережитки, которые в дальнейшем все больше и больше разрастались.

Пятаков на вопрос т. Вышинского показывает далее, что вскоре после первой встречи он имел второе свидание с Седовым. Как в первое свидание, это свидание было устроено Н. Н. Смирновым.

Пятаков: Этот второй разговор был очень короткий, он длился не больше 10—15 минут, а может быть, и меньше, и сводился к следующему.

Седов без всяких околичностей сказал: «Вы понимаете, Юрий Леонидович, что, поскольку возобновляется борьба, нужны деньги. Вы можете предоставить необходимые средства для ведения борьбы».

Седов сказал, что от меня требуется только одно: чтобы я как можно больше заказов выдал двум немецким фирмам — «Берендъ» и «Демаг», а он—Седов—столкнется, как от них получить необходимые суммы, принимая во внимание, что я не буду особенно нажимать на цены. Если это дело расшифровать, то ясно было, что накидки на цены на советские заказы, которые будут делаться, перейдут полностью или частично в руки Троцкого для его контрреволюционных целей.

Вышинский: Вы и сделали, как советовал Седов?

Пятаков: Совершенно верно.

Вышинский: Расскажите, в чем же это выразилось?

Пятаков: Это делалось очень просто, тем более, что я располагал очень большими возможностями, и достаточно большое количество заказов перешло в этим фирмам.

Как выясняется из дальнейшего допроса, Пятаков использовал эту вторую встречу с Седовым для уточнения некоторых вопросов. В частности Пятаков запросил уточнения того, как понимать «противодействие мероприятиям советской власти», как выражался Седов.

Вышинский: Через Шестова вы получали что-нибудь от Седова?

Пятаков: Да, в декабре 1931 г. я был в Москве. Шестов, возвратившись из Берлина, зашел ко мне в ВСНХ, в служебный кабинет, и передал письмо.

Вышинский: Шестов являлся к вам по служебному делу?

Пятаков: Он являлся, чтобы передать письмо Троцкого и поговорить еще раз о развертывании троцкистской работы в Кузбассе.

Вышинский (обращаясь к подсудимому Шестову): Вы были у Пятакова?

Шестов: Да, был. Это было в ноябре 1931 г.

Вышинский: Вы передали письмо? От кого вы его получили?

Шестов: Я получил письмо от Седова в Берлине.

Вышинский: Что же вам Седов сказал?

Шестов: Он просто передал мне тогда две письма, а, как мы тогда условились, пару ботинок.

Вышинский: Значит, вы получили не письма, а ботинки?

Шестов: Да. Но я знал, что там были письма. В каждом ботинке было заделано по письму. И он сказал, что на конвертах писем есть пометки. На одном стояла буква «П»—это значило, для Пятакова, а на другом стояла буква «М»—это значило, для Муралова.

Вышинский: Вы передали Пятакову письмо?

Шестов: Я передал ему письмо с пометкой «П».

Вышинский: А другое письмо?

Шестов: Другое письмо с пометкой «М» я передал Муралову.

Вышинский: Подсудимый Муралов, вы получили письмо?

Муралов: Получил.

Вышинский: С ботинком или без ботинка? (в зале смех).

Муралов: Нет, он привез мне только письмо.

Вышинский: Что было на конверте?

Муралов: Буква «М».

Вышинский (обращаясь к Пятакову): Что вы можете дальше рассказать о своей преступной троцкистской антисоветской деятельности?

Пятаков: Я получил письмо, которое выглядело так, как сейчас передавал Шестов, и, вскрыв его, крайне удивился: я ожидал записки от Седова, но оказалось, что в конверте записка не от Седова, а от Троцкого, и письмо было написано по-немецки и подписано «Л. Т.».

Вышинский: Значит, письмо вы получили от Троцкого через Седова и через Шестова?

Пятаков: Да.

Вышинский: Что же было в этом письме?

Пятаков: Письмо это, как сейчас помню, начиналось так: «Дорогой друг, я очень рад, что вы исследовали новые требованиях...». Дальше говорилось, что этот перечень задач, которые он коротко сформулировал. Первая задача—это всеми средствами устранить Сталина с его ближайшими помощниками. Понятно, что «всеми средствами» надо было понимать, в первую очередь, террористическими средствами. Во-вторых, в этой же записке Троцкий писал о необходимости об'единения всех антисоветских сил для этой борьбы. В-третьих,—о необходимости противодействовать всем мероприятиям советского правительства и партии, в особенности в области хозяйства.

Вышинский: Это письмо вы получили в конце ноября 1931 года?

Пятаков: Да, в конце ноября 1931 года.

Вышинский: После этого письма вы вскоре были еще раз за границей. В каком году?

Пятаков: В 1932 году. Это было во второй половине 1932 года и тогда же я встретился в третий раз с Седовым.

Вышинский: Что вы делали в промежуток времени между получением нами письма от Троцкого в 1931 году и вашим вторичным появлением в Берлине в 1932 году?

Пятаков: В это время я был занят восстановлением старых троцкистских связей. Я сосредоточился, главным образом, на Украине. Когда я разговаривал с Логиновым в Берлине, мы с ним уговорились относительно организации украинского троцкистского центра. Связь с этим центром была моей основной связью, если не считать впоследствии очень существенной моей связи, которая началась через Шестова с Западной Сибирью и с Н. И. Мураловым.

Прежде всего мы восстановили украинские связи. Это—Логинов, Голубенко, Бондобинский и Лившиц, обвиняемый по данному делу. Мы уговорились сначала с Логиновым, а впоследствии с остальными, относительно того, что они образуют украинскую четверку.

Вышинский: С кем из них вы говорили об этом?

Пятаков: Со всеми четырьмя.

Вышинский: И в том числе с Лившицем?

Пятаков: Да.

Вышинский: Где Лившиц тогда работал?

Пятаков: На Украине, начальником дороги. Мы с ним давно были связаны по контрреволюционной троцкистской работе.

Вышинский: По какому поводу в 1931 г. начальник дороги появляется у нас, у заместителя председателя ВСНХ? Было ему какой-нибудь деловой, служебный повод?

Пятаков: Нет, он пришел, желая непосредственно от меня получить подтверждение того, что ему передал Логинов. Я изложил ему свою встречу с Седовым и передал о директивах Троцкого, о террористических методах борьбы, о вредительстве.

Вышинский: Обвиняемый Лившиц, вы подтверждаете эту часть показаний Пятакова о нашей встрече с ним?

Лившиц: Да, подтверждаю. Я пришел в ВСНХ проверить правильность переданных Логиновым от Пятакова директив. Пятаков мне рассказал то же, что и Логинов: что методы борьбы, которые проводили в жизнь раньше, не дали никакого эффекта, что нужно итти на новые методы борьбы, т.-е. на террор и на разрушительную работу.

Вышинский: (к Пятакову). Итак, перейдем к вопросу о вашем втором приезде в Берлин.

Пятаков: Второй приезд в Берлин состоялся в середине 1932 года. Седов узнал о моем приезде в Берлин и решил со мной встретиться для того, чтобы получить, как он сказал, необходимую информацию для Троцкого.

Когда я ему стал рассказывать то, что мне тогда было известно относительно начавшегося развала работы троцкистско-зиновьевской организации, он меня прервал и сказал, что он это знает, так как имеет непосредственные связи в Москве, и что он просит меня рассказать о том, что делается на периферии.

Я рассказал о работе троцкистов на Украине и в Западной Сибири, о связях с Шестовым, Н. И. Мураловым и Богуславским, который находился в то время в Западной Сибири.

Седов выразил крайнюю степень неудовольствия, не своего, как он сказал, а неудовольствия Троцкого тем, что дела идут крайне медленно и, в особенности, в отношении террористической деятельности. Он сказал: «Вы, мол, занимаетесь все организационной подготовкой и разговорами, но ничего конкретного у вас нет». Он мне сказал далее: «Вы знаете характер Льва Давидовича, он рвет и мечет, он горит нетерпением, чтобы его директивы поскорее были превращены в действительность, а из вашего сообщения ничего конкретного не видно».

Вышинский: Долго вы пробыли во второй раз в Берлине?

Пятаков: Месяца полтора—два. Осенью этого же года я вернулся в Москву и здесь произошла очень существенная с точки зрения образования запасного, а дальнейшем параллельного, троцкистского центра, моя встреча с Каменевым.

Каменев пришел ко мне в наркомат под каким-то предлогом. Он очень четко и ясно сообщил мне об образовавшемся троцкистско-зиновьевском центре. Как сказал Каменев, они считают, что возможность провала этого главного центра очень велика, так как туда входят все «очень замаранные». Поэтому желательно иметь на случай провала основного центра запасный троцкистско-зиновьевский центр. Он был уполномочен официально запросить меня, согласен ли я на вхождение в этот центр.

Вышинский: Запасный, как он выразился?

Пятаков: Запасный. Я дал свое согласие Каменеву на вступление в запасный центр. Это было осенью 1932 г. В порядке информации, Каменев сказал, что у них установлена теснейшая связь, не просто контакт, а связь с правыми: с Бухариным, Томским, Рыковым, и тут же сказал: «Так как вы, Юрий Леонидович, в очень хороших отношениях с Бухариным, не мешает, чтобы и вы с ним поддерживали соответствующий контакт». Это имело дальнейшее и развилось.

Вышинский: Значит, вы этот контакт с Бухариным установили?

Пятаков: Да. На мой вопрос: «Собственно говоря, как же это мы устанавливаем связь с правыми?»,—Каменев прямо сказал, что это, вообще говоря, с моей стороны проявление известного ребячества в политике, что вчерашние разногласия нас не могут раз'единить, так как имеется единство цели: свержение Сталинского руководства и отказ от строительства социализма с соответствующим изменением экономической политики. В этом же разговоре Каменев сказал и по поводу «межгосударственных отношений», что без необходимого контакта с правительствами капиталистических государств нам к власти не дадутся и этот контакт надо поэтому поддерживать. Что касается деталей, то он сказал, что я, Пятаков, не «международник», и тут Радек и Сокольников больше посвящены об этом в известность.

Вышинский: Что значит: вы не международник?

Пятаков: В троцкистских кругах я больше считался специалистом — хозяйственником, а не по международным вопросам.

Вышинский: Кто же считался международником?

Пятаков: Я уже сказал: Радек и Сокольников.

Вышинский: О чем вы с ними договаривались в 1932 г.?

Пятаков: В 1932 г. мы имели разговор с Радеком. Он тогда сказал, что надо провести методы борьбы, которые приняты Троцким и основным об'единенным троцкистско-зиновьевским центром.

У нас зашлась мысль, чтобы на базе основным центром в составе Каменева, Зиновьева, Мрачковского, Бакаева, Смирнова, Евдокимова и др., иметь наш троцкистский параллельный центр, который будет играть роль запасного центра на случай провала основного, и в то же время будет самостоятельно вести практическую работу, согласно директив и установок Троцкого. Правда, особенного различия в установках между нами и зиновьевцами к тому времени уже не было. Но тогда Радек и я беспокоились о том, что при экономическом отступлении после захвата нами власти зиновьевская часть блока пойдет слишком далеко, а этому надо организовать известное противодействие.

Во всяком случае, мы тогда условились запросить об этом Троцкого. Через некоторое время (это было уже в 1933 году) в одну из встреч со мной Радек сообщил мне, что ответ от Троцкого им получен, что Троцкий ультимативно ставит вопрос о сохранении полного единства и блока с зиновьевцами, так как никаких расхождений у нас с ними нет, поскольку террористическая-вредительская платформа принята. Что касается отступления, то Троцкий писал, что Радек и я ошибаемся, думая, что отступление будет незначительным, — отступать придется очень далеко, и в этом отношении обосновал блок не только с зиновьевцами, но и с правыми. Что же касается превращения нашего центра в параллельный, то он сказал, что это будет усиливать собирание сил и подготовку необходимых террористических и вредительских актов.

В конце 1933 года в Гаграх я имел встречу с Серебряковым. Тогда мы с ним уговорились, что я, в основном веду работу по Украине и Западной Сибири и в промышленности, он берет Закавказье и транспорт.

С Сокольниковым я имел встречу значительно позже—в середине 1935 года, когда мы уже конкретно говорили относительно превращения запасного или параллельного центра в центр действующий, поскольку к этому времени уже произошел разгром основного центра, члены которого все были арестованы и осуждены. Сокольников зашел ко мне в Наркомтяжпром и сказал, что пора начать действовать, так как после арестов было некоторое затишье.

Вышинский: Следовательно, можно считать, что с 1933 года уже действует «параллельный центр»?

Пятаков: Да.

Вышинский: Потому-то он и параллельный, что он действует одновременно с основным?

Пятаков: Да.

Вышинский: Обвиняемый Радек, что вы можете сказать по этой части показаний Пятакова?

Радек: Я подтверждаю их полностью.

Вышинский: Вы обсуждали вопрос о том, чтобы запросить Троцкого о «параллельном центре»?

Радек: Да. Мы этот вопрос рассматривали и с точки зрения личного состава основного центра, и с точки зрения нашего политического недоверия к зиновьевской части, несмотря на то, что между нами был блок.

Вышинский: Как же это понимать?

Радек: Мы пришли к убеждению, что блок этот едва ли сможет выдержать какое-нибудь серьезное испытание. Одной из первых работ Зиновьева будет оттереть троцкистов: личные моменты будут играть большую роль. Каменев и Сокольников пойдут значительно дальше в экономическом отступлении, которое мы считали необходимым, а Зиновьев будет в полной такике. Надо, сохраняя внешность блока, иметь, как противовес, собственную организацию.

Вышинский: Вести собственную политику?

Радек: Собственную политику или собственный корректив этой политики. Иметь собственную организацию.

Вышинский: Чтобы держать в руках троцкистско-зиновьевский центр?

Радек: Если возьмете состав старого центра, то со стороны троцкистов там не было ни одного из старых политических руководителей. Были — Смирнов, который являлся больше организатором, чем политическим руководителем, Мрачковский — солдат в боевик, и Тер-Ваганьян — пропагандист. Мы имели к ним полное личное доверие, но не считали их способными, в случае чего, действительно руководить. Мы считали, что раз этот центр уже создан, то всякие изменения в центре вызовут разногласия с зиновьевцами, и поэтому идею запасного центра мы пытались применить в виде параллельного центра. Мы решили послать запрос Троцкому.

Вышинский: Кто писал Троцкому?

Радек: Писал письмо я.

Вышинский: Как вы передали это письмо?

Радек: Связь была установлена мною через Владимира Рожа, моего старого приятеля, бывшего тогда корреспондентом ТАСС за границей.

Ответ я тоже получил через Рожа. Письма я немедленно сжигал, но Пятакову известны все подробности о ходе информации Троцкого.

Вышинский: Значит, вы подтверждаете показания Пятакова в этой части?

Радек: Да.

Вышинский (к Серебрякову): Что вы можете сказать о той части показаний Пятакова, где содержится ссылка на ваше участие?

Серебряков: Действительно, в конце ноября 1933 года в Гаграх состоялась моя встреча с Пятаковым.

Вышинский: О чем вы беседовали?

Серебряков: Пятаков кратко информировал меня о встрече с Седовым и о своей работе, которую он проводил на Украине и в Западной Сибири. Он просил меня взять на себя работу по руководству связями с Грузией и на транспорте.

Вышинский: И вы дали согласие?

Серебряков: Да.

Вышинский: Он вам говорил, что вы привлекаетесь к участию в запасном центре?

Серебряков: Да.

Пятаков (обращаясь к тов. Вышинскому): Серебряков не совсем точно ответил на ваш вопрос. У меня не было с ним таких взаимоотношений, как у руководителя и подчиненного. Не то, что я ему предложил, а он дал согласие, мы просто уговорились об этом.

Вышинский: Кто в нашей четверке был более влиятельным, вы или Серебряков?

Пятаков: (молчит).

Вышинский: Как Серебряков считает?

Серебряков: Я говорю не с точки зрения разделения ответственности. С этой точки зрения я несу полную ответственность за деятельность центра, но должен сказать, что для меня Пятаков являлся авторитетом. И я для него был в какой-то степени авторитетом.

Вышинский: Вы сносились непосредственно с Троцким?

Серебряков: Нет.

Вышинский: А он?

Серебряков: Он сносился.

Вышинский (к Пятакову): У вас в «параллельном центре» никому не принадлежала руководящая роль по отношению к остальным?

Пятаков: Да, никому.

Вышинский: Все были равноправными членами и каждый полностью отвечал за весь центр?

Пятаков: Да, каждый в своей области. В области международных вопросов Сокольников и Радек были авторитетами. В области промышленности и хозяйства, видимо, я был авторитетом.

Вышинский: Меня интересует: под чьим руководством действовал «параллельный центр»?

Пятаков: Троцкого.

Вышинский: Кто от имени центра осуществлял непосредственную связь с Троцким?

Пятаков: Радек, я потом и имел личную встречу с Троцким.

Вышинский: Следовательно, центр через вас и Радека непосредственно был связан с основным руководителем вашей преступной деятельности?

Пятаков: Правильно.

Вышинский: Какие практические мероприятия центр проводил в жизнь в течение 1933—34 гг.?

Пятаков: В 1933—34 гг. как раз развернулась организационно-подготовительная работа на Украине, в Западной Сибири, позже сформировалась московская группа. Развернулась работа на Урале, при чем вся эта работа уже стала переходить в область осуществления той директивы Троцкого, о которой я показывал раньше, относительно применения вредительских и диверсионных методов.

Вышинский: Значит, в 1933—34 гг. под руководством «параллельного центра» возникают и оформляются на местах троцкистские ячейки, в частности, в Западной Сибири, на Урале, на Украине?

Пятаков: К этому времени появились троцкистские группы в Харькове, Днепропетровске, Одессе и Киеве.

Вышинский: Т.-е. центр уже имел свои ячейки?

Пятаков: Да. И они практически приступили к мероприятиям преступного характера.

Вышинский: К каким именно?

Пятаков: На Украине в основном работал Логинов и группа связанных с ним лиц в области коксовой промышленности. Их работа состояла в основном в вводе в эксплоатацию негодных коксовых печей и потом во всяческой задержке строительства очень ценных и очень важных частей коксохимической промышленности. Вводили печи без использования всех тех, очень ценных, продуктов, которые получаются при коксовании, тем самым огромные богатства обесценивались.

Вышинский: Это на Украине. А в других местах?

Пятаков: В Западной Сибири—на Кемерово действовал обвиняемый по этому делу Норкин. Ему помогал его главный инженер Карцев; в дальнейшем, в 1934 г., я направил туда еще Дробинса, тоже обвиняемого по этому делу, для усиления нашей работы, так как Норкин мне жаловался, что ему очень трудно одному справляться.

Вышинский: Дробинса вы направили в Кемерово специально для того, чтобы усилить вредительскую работу?

Пятаков: Я Дробинсу ставил более широкие задачи. Посылая его в Западную Сибирь (я имел разговор с Седовым о посылке Дробинса, так как Троцкий его хорошо знает лично), я преследовал двоякую цель: с одной стороны, активизировать работу Западно-сибирского центра; с другой стороны, оказать необходимое содействие Норкину для проведения вредительства на Кемеровском комбинате.

Вышинский: Вы послали его помощником начальника строительства и вместе с тем для разрушения строительства?

Пятаков: Да. В Кузбассе активно развернул вредительскую работу Шестов, который имел указание непосредственно от Седова и от меня.

На Урале стала складываться подпольная группа Юлина, которая была связана к тому времени уже с группой Мещинова и другими.

Вышинский: Все эти группы организовывались, складывались и осуществляли свою преступную деятельность под вашим непосредственным руководством?

Пятаков: Конечно.

Вышинский: В какой мере остальные члены центра были осведомлены о вашей деятельности?

Пятаков: Об этом знали и Радек и Серебряков. Сокольникова я познакомил позже, уже в 1935 году.

Вышинский: Каково было ваше официальное служебное положение в 1933 — 34 гг.?

Пятаков: Я был заместителем народного комиссара тяжелой промышленности.

Вышинский: Следовательно, вам легче было использовать свои связи для троцкистских махинаций?

Пятаков: Да. В этом я признаю себя виновным.

На этом утреннее заседание заканчивается.

Вечернее заседание 23 января

Вышинский: Расскажите об известной вам конкретной вредительской работе троцкистских организаций.

Пятаков: Вредительская работа была развернута на Украине, главным образом, по линии коксохимической промышленности. Вновь строившиеся коксовые печи вводились в эксплоатацию недоброкачественными, задерживалась и почти не строилась химическая часть на этих заводах, благодаря чему громадные средства, которые вкладывались в коксохимическую промышленность, обесценивались. С другой стороны, допускались новые коксовые батареи.

Западно-сибирская троцкистская группа вела активную вредительскую работу в угольной промышленности. Эту работу вела Шестов и его группа, главным образом, по линии сознания пожаров в шахтах. На Кемеровском химическом комбинате задержался пуск в эксплоатацию вновь строившихся об'ектов, средства распылялись по второстепенным об'ектам и, таким образом, огромнейшие сооружения налоились все время в процессе стройки.

Вышинский: Норкин, Карцев, Дробинс были в курсе этого дела?

Пятаков: Да, они были в курсе дела. В курсе дела были, конечно, Муралов и Богуславский.

На Урале вредительская деятельность была сосредоточена в медной промышленности и на уральском вагоностроительном заводе.

В медной промышленности дело сводилось к тому, чтобы прежде всего снижать производственные возможности действующих медных заводов.

(Окончание см. на 3-й стр.).